

Ленинградская правда
Ленинград

17 ноября 1988 года + № 264 (22406) =

К 200-летию М. С. Щепкина —

ШКОЛА ГУМАННОСТИ

«Он создал правду на русской сцене», — так сказал о нем А. И. Герцен

В ИСТОРИИ нашего театра, богатого созвездиями талантов, было два деятеля, предопределивших магистральные пути его развития, — это Щепкин, 200-летие которого мы отмечаем сегодня, и Станиславский. И если современный театр немислим без наследия Станиславского (каждый актер, прежде чем выйти на сцену, овладевает азами его системы), то и сам он мог совершить свои эпохальные открытия, только пройдя школу Щепкина.

Каждому реформатору, как бы талантлив он ни был, должно еще повезти. Он должен родиться во время, когда созрели предпосылки для его реформы. Щепкину «повезло»: его талант набрал полную силу к 1830—1840 годам, когда к его услугам оказались великие драматургические творения Грибоедова и Гоголя, когда заявила о себе «натуральная школа» в искусстве, когда общество стало видеть в театре «кафедру, с которой можно много сказать миру добра» (Гоголь), «трибуну», «парламент», «высшую инстанцию для решения жизненных вопросов» (Герцен).

Щепкин стал властителем дум целых поколений театральных зрителей, ибо чрезвычайно высока была заразительная сила его искусства, основанного на идеалах правды, нравственности, человечности. Белинский писал о «трепете чувств», об «электрической теплоте души, которыми Щепкин так обаятельно и так могущественно волнует массы и увлекает их по воле своей огненной природы».

Новаторство Щепкина прежде всего заключалось в том, что он, подобно своим собратьям по литературе и искусству, открыл доступ на сцену таким пластам русской жизни, которые до этого были в пренебрежении, почитались недостаточно возвышенными для высветивания театральной рампы. Размышляя о Щепкине, Белинский писал: «Он умеет заинтересовать зрителя судьбою простого человека и заставить их рыдать и трепетать от страданий какого-нибудь матроса, как Мочалов заставляет их рыдать и трепетать от страданий принца Гамлета или полководца Отелло».

При этом стоит заметить, что любимые герои артиста выбивались из круга «униженных и оскорбленных», вызвавших к жалости (станционный смотритель Пушкина, Акакий Акаки-

вич Гоголя, Макар Девушкин Достоевского). Его искусство не утешало, а просветляло зрителя, вселяло в него мужество, веру в свои силы, в лучшее предназначение человека.

Актерская братия во времена Щепкина не очень-то стремилась обзаводиться «лишним» запасом знаний. Крепостной Щепкин (он был уже широко известным актером, когда его наконец выкупили из неволи), обделенный систематическим образованием, «сам создал себе образование и как артиста и как человека». Трудно найти в истории русского театра другого актера, чей выдающийся талант, чье превосходство были бы общепризнаны даже его эстетическими противниками.

Он был не только другом, но и единомышленником Герцена, Белинского, Гоголя, Тараса Шевченко, С. Т. Аксакова, виднейших профессоров — историка Грановского, искусствоведа Надеждина. Их объединяли основные демократические устремления эпохи — раскрепощение человека, защита человеческих прав в мире бесправия.

Щепкин с большим правом, чем любой другой актер эпохи, мог сказать о себе пушкинскими словами, что пробуждал со сцены добрые чувства, вызвал к милосердию. Мечта вернуть Герцена на родину за-

ставляла артиста уже в преклонные годы отважиться на рискованное путешествие к лондонскому изгнанию. «Русские в это время всего меньше ездили за границу и всего больше боялись меня, — вспоминал Герцен. И первый русский, ехавший в Лондон, не боявшийся по-старому протянуть мне руку, был Михаил Семенович».

Увы, между старыми товарищами уже не было прежнего единодушия. Из сострадания к друзьям, из-за боязни репрессий Щепкин хотел было приглушить привычный голос Вольной русской типографии: «...Листами, которые проскользнут, вы ничего не сделаете, а III отделение будет все читать да пометать, вы служите массу народа, служите ваших друзей...». И Герцен понял: Щепкиным двигали «усталь, загнанность, сознание своего бессилия и материнская боязнь за детей».

Последнее письмо Герцену, уже из Парижа, каждая строка которого «была облита горькими слезами», взывало: «Несмотря на разность убеждений я не умею переставать любить».

Ничто не могло отвлечь Щепкина от сочувствия, от любви к ближнему. Из Москвы он отправляется в Нижний, чтобы приветить вчерашнего сослуживца, все еще опального, поднадзорного Тараса Шевченко.

За многие годы утилитарного подхода к искусству нашего зрителя приучили к тому, что, глядя на сцену или на экран, он ждет подсказки, указующего перста актера: этот герой явно «бьяка», а этот, наоборот, «паинька». На театральном языке это называется играть не образ, а отношение к образу. Щепкин предпочитал рисовать негативный портрет со всем присущим оригиналу самоуважением, самоутверждением. Он знал, что стезя саморазоблачения влечет актера к схеме, к маске.

В комедийно-сатирических ролях Щепкин, предвзято Станиславского, шел «от себя». Он отдавал себе отчет в том, что артист ничего сверх того, что есть в нем самом, хотя бы в микроскопических дозах, выдумать не в силах.

Основоположник сценического реализма, Щепкин всю жизнь оставался неизменным его приверженцем. Он решительно отверг «Развязку «Ревизора», где Гоголь под влиянием душевного кризиса последних лет жизни предлагал отказаться от реалий николаевской эпохи ради условных, отвлеченных страстей».

Щепкин был в русском театре впередсмотрящим. «Все искусства имеют теорию, кроме сценического», — сокрушался он и упорно формулировал начатки этой теории. Хотя в современном значении этого слова режиссуры тогда еще не было, он — первый, кто было забочен гармоническим сведением всех слагаемых спектакля в единое идейно-художественное целое. Недаром даже первоклассные драматурги всецело доверялись Щепкину: «Вы должны непременно из дружбы ко мне взять на себя все дело постановки... Делайте, что хотите, с моею пиэсою» (Гоголь).

Он занялся педагогикой. Лучших своих учеников селил в свой дом, в свое и без того многочисленное, многотрудное семейство, чтобы каждодневно, ежечасно следить за ростом дарования.

Щепкин многократно гастролировал в Петербурге, оставив в нашем городе неизгладимый след. Белинский свидетельствовал: «Щепкин своим пребыванием в Петербурге сделал решительный переворот на русской сцене. Посещение его будет долго памятно потому, что бросило семена, которые не могут не принести плодов». Плоды эти в каждом сегодняшнем честном спектакле.

С. ОСОВЦОВ